

Юрий Михайлик

Не верю снам

* * *

Не верю снам, с провидцами не спору,
– но пробудись, опомнись, оглянись –
там шесть волков на снежном косогоре
стоят неровной строчкой – сверху вниз.

Они застыли – как окаменели,
который год, которые века,
как темные, не шелохнувшись, ели,
как белая, не двигаясь, река.

Январской ночью на опушке леса
они глядят, судьбу не торопя,
без сожаленья и без интереса
не на тебя, а в ночь поверх тебя.

Уже и жизнь прошла, и в снах смешалась
молчаньем волчьим, волчьей тишиной –
а то ли волчья шалость, волчья жалость,
иль волчья шутка в полночь надо мной...
Не верю снам. Я как заговоренный,
и в эту явь поверить не могу –
где шестеро уходят вверх по склону,
следов не оставляя на снегу.

* * *

Погляди, дорогая, мы еще никуда не ушли,
если облако нежности плывет в небесах вдали,
вот оно и останется, ему и плыть в вышине,
остальное забудется в ветре, в морской волне,
и пускай этот ветер несет и приносит слезы и смех,
ибо нашего облака нежности хватит на всех,
вот когда его взвесят на холодных вышних весах
и над берегом моря, и на дальних и ближних лесах,
и на северных с южными, сколько их там, – полюсах,
вот тогда наше время закончится во всех мировых часах.
Но пока это облако плывет в золотой золе
и пока все рифмуется в небе и на земле,
и пока этот миг не оттикает, мой друг, пока
над тобою и мною еще плывут облака,
наше облако нежности снова – который год –
над тобой остановится, чуть медленней поплывет.

* * *

Одиночество – время созвучий,
одинокому ночью видны
лишь обломки зеленой, колючей,
может, жизни, а может, луны,
день был смутен, а сумерки скрытны,
только ночь прожигает насквозь,
то, что виделось прочным и слитным, –
все раздельно, предельно и врозь.
Нет у ночи предвестий и знаков –
одиночества краткий оскал –
нет пророчеств и нет зодиаков,
лишь осколки от льдов и зеркал.
Все разрозненно, все удаленно,
и не зная судьбы наперед,
лупоглазая птица ворона
над тобой в темноте заорет.

* * *

Хорошо мы в мире тающем живем –
тает льдина, на которой мы плывем,
тает берег, удаляясь, а пока
тихо тают, улетаая, облака,
и сгущается над нами свысока
малозвездная морозная тоска,
ибо тающим зияньем осиян
снизу тоже ледовитый океан.
Все растает с наступлением тепла,
жизнь истаяла и ярость истекла,
только горечь в оплывающей строке,
в тихо тающем меж нами языке,
и зеленые полуночные сны –
словно искры исчезающей страны.

* * *

По А. Герцену

У войны слишком много поклонников,
но хороших царей не проси.
Либеральней жандармских полковников
никого не найти на Руси.
А полковники – мелкие, ловкие,
от людей отличимы едва,
но украшены боеголовками,
где у прочих людей голова.

